

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 ИЮЛЯ

1

— Не смотри на меня так! — попросил Джим, забирая из ящика стола вещи. В большой черный мешок для мусора он сложил оставшееся имущество: две упаковки казначейских скрепок и бумажник, полный фальшивых удостоверений личности. — Моему сыну и так тяжело мириться с изменениями, которые происходят у меня на работе. Мне ни к чему еще и твои упреки!

Джим вынул несколько ручек из подставки в форме жабы и ампулы из другой подставки, тоже в форме жабы, но уже не безобидной, а ядовитой.

— Лучшие детективы посвящают работе всю жизнь! — произнес Джим, не ожидая ответа. — Я это точно знаю. Но у меня семья. Я нужен своей семье! Мой сын заслуживает, чтобы у него был отец! Кроме того, когда-то я обещал жене, что буду уделять ей больше времени...

Из нижнего ящика стола одну за другой он достал камеры, обернул их пузырчатой пленкой и уложил в картонную коробку. Пусть Бруно выберет те, которые ему нравятся, а остальные Джим отдаст в благотворительный магазин. На наклейке в форме звезды мужчина написал «оставить» и прилепил ее к верхней части коробки.

— Я на тебя даже не смотрю! — продолжил Джим, отвернувшись. — Ты меня не переубедишь! Мы оба знаем, что я вышел в тираж. В паспорте написано, что мне пятьдесят четыре, но я чувствую себя гораздо старше. Теперь частные расследования ведут по-другому; теперь все не так, как раньше. Мои методы устарели! Сейчас все делается с помощью компьютеров.

Я не могу и не хочу разбираться в компьютерах. Цифровой мир не для меня!

Из других ящичков он достал старые дела. Все папки были сложены в хронологическом порядке. Первое дело датировалось 21 января 1986 года. Папка была желтой: этим цветом Джим помечал раскрытые дела.

Мужчина пролистал страницы с записями своего первого расследования. Он вел скрытое наблюдение для владельцев Западного пирса: они боялись, что ущерб, причиненный серией ночных взломов, помешает продать пирс заинтересованному лицу.

Вооружившись новым фотоаппаратом «Кэнон», Джим три ночи провел в засаде под скрип качавшегося от порывистого брайтонского ветра пирса.

В последнюю ночь детектив выяснил личность нарушителей, и это стало для него настоящим сюрпризом.

— Я помню ту скуку, то разочарование, которые почувствовал, проводя первое расследование, — сказал Джим, найдя фото, которое помогло ему прояснить ситуацию и принесло первый гонорар. — Детектив часто чувствует себя одиноким. И, кроме того, ты даже не можешь себе представить, как иногда бывает скучно. Именно ты окружил это одиночество романтическим ореолом!

Джим улыбнулся. Кстати, оказалось, что вандалы, совершавшие набеги на пирс, — это стайка местных лис, устроивших нору в подвале рушащегося здания. На фото было запечатлено их ночное пиршество.

— Но я любил свою работу! И люблю тебя за то, что ввел меня в курс дела!

Собрав вещи, Джим вызвал компанию-перевозчика и повторил инструкции: коробки с красными наклейками — на мусоросжигательный завод, с зелеными — доставить по адресу: Сэнт-Эндрю-роуд, тринадцать. Затем он вызвал такси.

У Джима в голове не укладывалось, что это его последние минуты в конторе. Ему будет не хватать запаха сырости и крыс, снующих под полом, на котором стоит его верный стол.

Было слишком поздно отказываться от продажи, и не было причин держаться за это место, несмотря на сильную привязанность.

Конечно, Джим мечтал, чтобы его сын, Бруно, однажды унаследовал его дело. Но мальчику всего одиннадцать лет, и утчет еще много воды, прежде чем ему понадобится рабочее место. Помещение было не пригодно для сдачи в аренду, к тому же для строительства супермаркета быстрого обслуживания требовалась земля. Продать контору было наиболее правильным решением.

— Я не слушаю тебя, — продолжал Джим, посмотрев на наручные часы: он уже опаздывал к завтраку. — Ты умеешь убеждать, и я знаю, что ты скажешь. На этой неделе я приступаю к новой работе. Я стану библиотекарем, и это пойдет на пользу мне и моей семье. Обещаю: я найду для тебя теплое местечко.

Джим поднялся со стула, служившего ему верой и правдой почти двадцать лет. Затем, войдя в туалет, посмотрел в маленькое зеркало. На него уставился преждевременно постаревший, немодно одетый человек. Только очки Джима выглядели стильно. Дорогая оправа была творением модного дизайнера — «вайфарер»¹ коричневого цвета, придающая взгляду глубокомысленность. Джим доплатил за особо крупные линзы. Они отлично скрывали его глаза; создавалось впечатление, будто их владелец видит всех насквозь. Раньше, в золотую пору, когда Джим носил эти очки, незнакомцы оборачивались ему вслед, кассиры отмечали гипнотическое воздействие его взгляда, а подозреваемые переставали изворачиваться и во всем признавались.

Джиму до сих пор нравились собственные глаза, именно этому органу чувств он по-прежнему доверял больше всего.

С улицы донесся звук автомобильного гудка. По утрам Джим предпочитал передвигаться на такси.

¹ Очки в роговой или пластмассовой оправе, выпущенные фирмой Ray Ban в 1952 году. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Наконец он взял последнюю наклейку — красного цвета — и прилепил ее на лоб Филипу Марлоу¹, изображенному на постере, висящем над камином. Детектив был запечатлен с выражением недовольства на лице и сигаретой «Кэмел» во рту. На наклейке Джим написал черным маркером: «Сжечь».

— Пожалуйста, прости меня, — попросил он.

На лице Филипа Марлоу было написано: «Нет».

2

Летние каникулы только начались, а уже поступило сообщение о первом преступлении.

Бруно, сын вышедшего на пенсию частного детектива, был уверен, что обладает всеми необходимыми качествами для того, чтобы раскрыть дело за неделю.

За завтраком, набивая рот хлопьями, мальчик выразил озабоченность.

— Кто-то ей докучал, — сообщил он, жуя.

— Не спеши, — велел Джим. — Что значит *докучал*?

— Она долго умывается, — пояснил Бруно, на секунду перестав жевать, чтобы закончить мысль. — Нам рассказывали о таком в школе. Она сама не своя, выглядит очень несчастной.

— Есть еще какие-то признаки? — спросила Хелен, мама Бруно, учительница, следившая за правильностью речи. — Говори медленно и ешь не торопясь, Бру! У меня от одного твоего вида может случиться несварение желудка!

— Она кажется отстраненной. Чем-то расстроенной...

— Вчера, когда я с ней разговаривал, она выглядела вполне нормальной, — заметил Джим.

— Она поправилась, вы не заметили?

— Думаю, да, — сказала Хелен. — Нам следует заявить в полицию?

¹ Филип Марлоу (*Philip Marlowe*) — главный герой произведений Раймонда Чандлера; частный детектив из Лос-Анджелеса.

Бруно прекратил жевать. Уставившись на ложку, мальчик тяжело вздохнул и подумал: «Возможно, полицейские недостаточно квалифицированы, чтобы раскрыть это дело».

— Я сам проведу расследование! — заявил Бруно, прежде чем снова приняться за хлопья. — За ужином сообщу все, что выяснил.

— Где она сейчас? — спросила Хелен.

— Спит на диване, — ответил мальчик. — Издаваемый ею звук изменился. Теперь это грустное урчание.

После завтрака Бруно почистил зубы и оделся. Каждому известному детективу нужен оригинальный гардероб. Бруно провел несколько недель, размышляя над собственным имиджем. В конце концов он остановился на трикотажных изделиях с кошачьими мотивами. На джемпере, который Бруно надел сегодня, была изображена черная кошка с белыми глазами и в маске грабителя.

Мальчик обнаружил Милдред в гостиной. Согретая солнечными лучами, она спала, изогнув хвост в виде вопросительного знака.

— Просыпайся! — попросил Бруно, щекоча ленивую кошку карандашом.

Милдред и не подумала открыть хотя бы один глаз. Бруно продолжал щекотать карандашом ее белую шейку и пушистый животик. Все закончилось тем, что Милдред заурчала.

— Встать, кошка! — велел мальчик, попутно раздумывая, стоит ли ему залаять.

Одиннадцатилетний Бруно обожал животных, даже долгоножек, ползавших по ночам по стенам его комнаты. Он громко закашлял. Милдред и ухом не повела.

— У тебя один час! — заявил мальчик. — Затем я отнесу тебя обратно в приют и поменяю на собаку!

Сев на диван возле сопящей Милдред, Бруно стал читать «Секреты кошачьего поведения», обратив особое внимание на главу о том, как следует трактовать положение хвоста. Когда отец вошел в комнату, мальчик поднял голову от книги.